

Крик о критике / A Call for Criticism

Архитектурная критика отсутствовала в СССР, но ее не было и в истории архитектуры, нет ее и сегодня ни на Западе, ни в России. Место архитектурной критики занимает архитектурная публицистика. Идеальная архитектурная критика предполагает известное равенство в развитии в рамках данной культуры творцов произведений и их критиков. (В литературе XIX века Пушкин был одновременно и великим поэтом, и великим критиком.) Великих критиков в архитектуре не было.

Ключевые слова: архитектурная критика; отсутствие архитектурной критики; публицистика; модель идеальной архитектурной критики; равенство развитости критика и творца. /

Architectural criticism did not exist in the USSR. It did not exist in the history of architecture either. It can be observed neither in the present-day West nor in Russia. The place of architectural criticism is occupied by architectural journalism. An ideal architectural criticism supposes that the authors and their critics should be equally developed within the sphere of the given culture. (In literature of the 19th century, Pushkin was a great poet and, at the same time, a great critic.) There have not been any great critics in architecture.

Keywords: architectural criticism; absence of architectural criticism; journalism; model of ideal architectural criticism; equality of development of the author and the critic.

Вопрос об архитектурной критике в отечественном архитектуроведении практически никогда серьезно не поднимался. До перестроечных времен в СССР царил установка, завещанная Сталиным. Декларировалась свобода критики при абсолютном запрете на любой реальный критический голос. Критика понималась в империи как кнут, дополняющий пряник Сталинских премий. Поэтому вся критика сводилась к риторике в пользу абсолютной неопровержимости мнений, выражавшихся вождями или главой Политбюро.

Архитекторы выучили этот урок и перестали подставяться. Редкие попытки профессиональной критики имели место (о политической и речи не было), но и они скоро выдохлись. Сохранялась лишь критика буржуазной архитектуры и ее концепций, которая позволяла тихоньку заимствовать те или иные приемы архитектурного проектирования и архитектурной мысли под соусом безусловного превосходства социалистического реализма над всем, что был способен родить буржуазный образ мысли.

С началом горбачевской перестройки ветер подул в другую сторону, и в конце 80-х годов А. В. Рябушин от имени дирекции ЦНИИТАА предложил мне заняться архитектурной критикой. Итогом годовых работ стал изданный в ЦНТИ сборник «История и методология архитектурной критики», бывший не столько первым словом в этом направлении, сколько лишь первым вздохом перед словом КРИТИКА. Но ситуация быстро вернулась к имперским нравам, и теоретико-методологический вопрос о критике зарос какой-то могильной травой.

Сегодня критика сменила образ, царивший в тоталитарном государстве. Родилась публицистика, более свободная от догм и идеологических установок в пользу вкусовых

предпочтений и оценок, колеблющихся между неоклассицизмом и параметрической и нелинейной версией постмодернизма. Возникла и политически ориентированная публицистика, образцом которой может служить, в частности, архитектурная публицистика Е. В. Асса или Г. И. Ревзина – мастера лаконичного газетного памфлета.

Но все-таки эти образцы мысли и стили еще довольно далеки от того, как я представляю себе идеальную архитектурную критику. Чтобы с самого начала уточнить, что это за идеал, должен сразу же сказать, что, на мой взгляд, такого рода критика еще практически не родилась ни у нас в стране, на что есть свои причины, ни за рубежом – с уверенностью другой историей.

Хочу подчеркнуть этот момент, так как часто встречаюсь с мнениями сегодняшних критиков, ориентирующихся на образцы, для которых отсутствие таковых означает фиктивность любых идеалов. Я исхожу из иной схемы суждений. Для меня факт отсутствия реальных средств лечения рака вовсе не означает того, что все практикуемые методы вполне достаточны.

С архитектурной критикой дело обстоит еще сложнее. История показывает, что полноценной архитектурной критики история еще не знает. И не знала в эпохи величайших достижений самой архитектуры, как бы обходившейся без критики. Мы не знаем ни древнеегипетской архитектурной критики, ни архитектурной критики в рамках готики (попытки Эрвина Пановского воскресить в этой функции схоластику были лишь первым шагом, не успевшим столкнуться с более существенными культурными препятствиями), ни Ренессанса.

Вслед за литературной архитектурной, театральная и музыкальная критика развивалась в XIX веке и к началу XX века казалась способной вырасти до требуемого культурного

уровня, но, как ни парадоксально, этого не случилось. В одних странах она была задавлена тоталитарной партийной идеологией, в других утонула в новом популистском утонизме.

Но архитектурная критика выходит и за рамки требований, которые выросли внутри литературы. Суть дела в том, что архитектурная критика предполагает известное равенство в развитии в рамках культуры, как узкотехнической методологии порождения произведений, так и публицистики, завоевавшей право подвергать критике не только отступления от норм и догм идеологии, но и оценивать все наличные проекты таковой.

На это равенство, которое было в какой-то мере достигнуто в русской романтической и реалистической литературе первой половины XX века, и выросли гении нашей культуры, прежде всего Пушкин, который был одновременно и великим поэтом, и великим критиком. Но и в отечественной истории культуры эта свободная и равновеликая культуре критика сошла на нет в начале XX века и закончилась в 30-х годах.

К числу выдающихся критиков можно было бы отнести театральных деятелей Н. Евреинова и В. Мейерхольда, а в музыке – Ивана Соллертинского, работавшего на уровне таких великих композиторов, как С. Прокофьев и Д. Шостакович. Никто из архитекторов этого культурного уровня так и не достиг. Критика в литературе в дальнейшем уклонилась в сторону структуралистской поэтики (Р. Якобсон, Ю. Тынянов, В. Шкловский) и общей культурологии (Ю. Лотман, В. Иванов, В. Топоров).

Таким образом, можно выдвигать предварительный тезис о синхронизации критики с творческой, идеологической и политической ситуацией эпохи. Без этой синхронизации критика объективно

не может вырасти до подлинного уровня культурно полноценной деятельности и остается чем-то второстепенным и декоративным, атрибутом архитектурной печати. До сего дня издатели архитектурных журналов требуют от фотографов больше, чем от критиков.

Масштабы и детали

В этой короткой заметке я не буду обсуждать такие проблемы, как понимание критиком работы строительных конструкций и влияние этих конструкций на возможности пластической композиции или на то, в какой мере рассматриваемый объект повторяет или развивает имеющиеся в профессии образцы. Не буду говорить о том, в какой мере вкусы критика, выражаемые в его комплиментах и метафорах, соответствуют принятым нормам и стандартам; в какой мере эти вкусы и применяемые для их выражения поэтические метафоры отличаются от стандартного языка архитектурной критики и рекламы.

Сами по себе эти вопросы принципиальны, но их исследование предполагает достаточно сложный аналитический дискурс. Я хочу сосредоточить внимание на двух проблемах, которые в меньшей степени подвергались критической аналитике.

1. В какой мере критик разделяет смыслы произведения, реализующие тот или иной идеологический или стилистический «заказ», и в какой мере выходят за рамки стандартных вкусов и предлагают принципиально новые формы и стоящие за ними ценности, то есть выступает как идеолог и проповедник нового мировоззрения.

2. Имеет ли дело критик с такой сложной формой архитектурного мышления, как согласование интерьерера и экстерьера здания, как то имело место в готике или ренессансной дворцовой и церковной архитектуре, или он имеет дело с